

**I. МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО СИМПОЗИУМА
«КНИЖНОСТЬ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР ПРОШЛОГО
И НАСТОЯЩЕГО: МЕТОДОЛОГИЯ, МЕТОДИКА И ПРАКТИКА
ИССЛЕДОВАНИЯ», ТОМСК, 2012, 14–15 июня***

УДК 94 (470)

В.В. Керов

**«ЩЕТА УБЫТКА И ПРИБЫТКА...»: ХОЗЯЙСТВЕННАЯ КНИЖНОСТЬ СТАРООБРЯДЦЕВ
КАК ФОРМА КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПИСЬМЕННО-КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ***

Предпринят анализ особого вида конфессиональной старообрядческой книжности (письменной культуры) – хозяйственной книжности. Исследование реализовано на материале ведущих старообрядческих согласий (поповцы, федосеевцы, поморцы и др.), имевших собственную хозяйственную культуру. Работа основана на широком круге источников, прежде всего архивного хранения. В памятниках хозяйственной книжности старообрядцев отразились различные стороны жизни сообщества ревнителей древнего благочестия: от проблем собственности и важнейших черт деловой культуры староверческих деноминаций до характерных черт повседневной жизни предпринимателей-старообрядцев.

Ключевые слова: старообрядчество, конфессиональная книжность, хозяйственная книжность, деловая культура.

Малый академический словарь русского языка определяет слово «книжность» как свойство по прилагательному «книжный». «Книжный» же значит, прежде всего, «почерпнутый только из книг, не подкрепленный практической деятельностью, отвлеченный», отсюда идиомы типа «книжной вши» [1, Т. 2. С. 63]. В словаре В.И. Даля «книжность» понимается не так негативно и означает «книжную ученость, начитанность» [2, Т. 2. Стб. 313]. Под конфессиональной книжностью часто понимали начитанность в священных текстах.

Иногда под книжностью понимаются книжные комплексы, включающие печатные и рукописные памятники определенной эпохи/региона/общности. В этом смысле пишут, например, о «древнерусской книжности» как литературе Древней Руси [3, 4], «рукописной книжности Русского Севера» [5. С. 115]. Подчас термин «книжность» используется для определения книжных коллекций, например «собрания старообрядческой книжности» [см., например, 6. С. 61]. Развиваются представления, например, о «церковно-славянской книжности» как системе функционирования церковно-славянского языка [см.: 7]. Книжность может означать и «книжную традицию», противопоставляемую «фольклорному нарративу» [см., например: 8].

Современными социологами «книжность» воспринимается как письменная форма социальной коммуникации, противопоставляется «словесности» и «мультимедийности» и имеет исторические цивилизационные формы (палеокнижность, неокультурная книжность и пр. [9].

Однако на фоне всего упомянутого разнообразия наиболее распространенным является понимание книжности, сложившееся в современных отечественных истории и филологии, как «книжной» или «письменной» культуры. Встречается также термин «письменно-книжная культура» [10. С. 459].

В отношении старообрядческой книжности в большинстве исследований применяется именно это значение, реализованное в тысячах работ ученых Москвы, Новосибирска, Петербурга, Екатеринбурга, Томска и других ведущих центров изучения старой веры. Речь идет не только о собственных сочинениях и полемических текстах староверов, но и о бытовавших в старообрядческой среде «внестарообрядческих» религиозных текстах, в том числе о произведениях Отцов Церкви и др. Кроме того, старообрядцы были носителями и светской книжности. В собраниях, и частных, и общинных, находились разнообразные исторические и географические сочинения. В собрании например, Рогожской общины можно найти «Ска-

* Проведение симпозиума осуществлено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-04-1452).

знание о нашествии Темир-Аксака», «Сказание о нашествии богомерзкого царя Магмед Гирея», «Повесть об избавлении от нашествия Менглы-Гирея», «Нахождение поганых татар», «О турках, откуда произыдоша», сочинение Барония и многое другое, вплоть до «Книги, глаголемой Проблемата о прирождении и о составлении удов человеческих и зверей многих» и др. [11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19 и мн. др.]

Вышеназванные произведения, бесспорно, можно считать элементами конфессиональной старообрядческой культуры. Эти книги содержались в собраниях религиозных общин и их «правильность» с конфессиональной точки зрения не вызвала сомнений. Ссылки на них часто использовались в полемических текстах религиозного характера, при обосновании тех или иных норм и форм поведения «верного», для аргументации эсхатологических характеристик различных исторических периодов, для описания случаев вмешательства Божественных сил и т.п. Они использовались для характеристик представителей других конфессий, например ислама [20. См. также: 14, 21 и др.] или католицизма [22. Л. 308. См. также: 23]. В ряде случаев светские произведения способствовали формированию особой старообрядческой религиозной культуры, в том числе подходов, ориентированных на религиозный рационализм¹.

Со всей очевидностью следует отнести к старообрядческой конфессиональной книжности и памятники хозяйственной культуры². Учебники по арифметике, сборники, включавшие такие тексты, как «О денгах в куче ведать», «Статья о богешных мерах», «Сия есть книга о земном верстании» и др. [11, 24, 25, 26 и др.], были включены в общинные библиотеки наряду с аскетическими и учительными сборниками. Самым же важным представляется тот факт, что хозяйственная культура староверия имела отчетливый конфессиональный характер.

Во второй половине XVIII – начале XIX в. старообрядчество стало конфессионально-экономическим сообществом [подробнее см.: 27]. Осуществление функций старообрядческого предпри-

нимательства было направлено на поддержание и консолидацию всего сообщества. Основной функцией старообрядческого предпринимательства являлось *содержание общин, обеспечение их жизнедеятельности, а также увеличение их числа и влияния*, расширение численности их членов. Все «состоятельные» члены общин были обязаны ежемесячно вносить средства в кассу обществ, непосредственно оплачивать расходы общины. Не всегда деньги проходили через руки руководителей общины. Так, в реестре «о взносе поземельных денег с домов Московской фабрики т-ва господ Гучковых» за 1850 г. отмечено, что из доходов фабрики выплачивались взносы за общинные земли [28. Д. 502. Л. 2]. Кроме прямой передачи средств в общину, в случае нужды руководство общин иногда прямо разверстывало своеобразный «налог» среди предпринимателей.

Другой функцией старообрядческого предпринимательства стала *защита общин староверов от преследований властей*. В условиях постоянных гонений старообрядцы всеми силами стремились «исходатайствовать» общине положение «в непоколебимой существенности, прочную безопасность и утверждение» [29. С. 61]. В данном случае важную роль в стабилизации старообрядческой общности сыграла коррупция [подробнее см.: 30]. Старообрядцы не различали налоги и взятки, объединяя их в понятии «дань». Они объясняли, «за что даем дань – не за службу, не за веру их, но за обладание и за имущую им власть по попущению святого Бога. ...аще требует враг злата – дадите, ...аще почести – дадите... Мы в последнее время живем и потому всяку дань даем всякому просящему, дабы не предал враг на мук...» [31. С. 232–233]. «Деньгами откупающихся не винословить», дань «сугубо содержания ради нужна древнего благочестия», – объясняли староверческие документы [32. С. 206; 41. С. 161–162].

Последней из важнейших целей старообрядческого предпринимательства в первой половине XIX в. являлось *укрепление и расширение экономической базы староверческого общества* и, соответственно, старой веры. Необходимо было обеспечить самое существование расширявшейся общины и ее сателлитов, богаделен, благотворительной деятельности, раздачи «дани» и т.д., а это было невозможно без роста совокупного капитала общины. Соответственно, значительная часть прибыли должна была вкладываться в развитие дела, но не только в рамках отдельных предприятий, а в хозяйственной системе сообщества в целом. Поэтому одним из важнейших направлений использования прибыли стал расширенный и де-

¹ Так, например, во включенном в сборник начала XVIII в. «Собрании вкратце о девяти мусикиях и семи свободных художествах» одним из многочисленных (судя по «зачитаности» фолианта) читателей подчеркнута фраза «...никакая вещь не начинается без орудия...» [57. Л. 125об]

² В академический «Словарь книжников и книжности Древней Руси» сознательно не были включены материалы об авторах «сочинений делового содержания» и анонимных «памятниках деловой письменности», поскольку вообще в этом издании речь шла о книжности лишь как комплексе древнерусской литературы [см.: 3].

шевый (иногда бесплатный) хозяйственный кредит. В Преображенской общине были приняты нормы отсрочки кредита в случае его невыплаты в срок – «два раза по году и еще полгода». На Рогожском кладбище кредит членам общины также выдавался или без процентов, или по крайне низким учетным ставкам, в начале XIX в. – не более чем под 4 % годовых [33. С. 81]. Долг мог прощаться, но единственным полноправным собственником капиталов всех членов являлась община. Предприниматель-старовер «становился как бы агентом общины по включению в оборот и обращению ее капиталов» [34. С. 78].

Вновь прибывшие в Москву староверы поселились в общинных домах, формально записанных на одного из попечителей, а затем получали часто безвозмездные «кредиты» от общества для приобретения «средств к независимому существованию», в том числе для создания собственного дела. Именно на такие «пособия» возникли вокруг Преображенского кладбища свыше 3 тыс. мастерских, лавок, фабрик и фабричек – первая фабричная окраина Москвы [35. С. 101]. Также попощами был создан Гуслицкий промышленный район [36. Т. 13. С. 328]. В соответствии с представлениями староверов о собственности, ссуды имели характер не помощи, а реинвестиций. В этом же заключалась суть реализации в социальной практике старообрядческих конфессиональных ценностей, связанных с собственностью и предпринимательством. Руководитель одной из экспедиций МВД по «исчислению раскольников» так объяснял характер этих ценностей и институтов: «тайный закон» старообрядчества – «твоя собственность есть собственность веры и общины» [37. С. 148].

В этих условиях иным образом, чем в среде синодальной паствы, воспринимался характер купеческого занятия, он имел выраженную конфессиональную составляющую. Так, годовые отчеты основателя династии Рябушинских начинались со слов: «Христос Воскрес. Господи благослови Христос. Счет капитала и палатки Московского купца Михаила Рябушинского...» [38. С. 25]. К.Т. Солдатенков, «перед тем как писать письма или записки, ставил в двух верхних углах буквы "Г" и "Б"» – Господи, благослови. Многие купцы из старообрядцев ставили те же буквы «в торговых книгах» [39. Ч. III. С. 24]. На печати Василия Шибанова, использовавшейся для деловых документов, были вырезаны слова «Бог – моя надежда» [40. С. 136].

Дело было не только в том, что существенная часть «прибытка» шла на сохранение и возрожде-

ние веры. Здесь проявлялось и отношение староверов к собственности и своему прибыльному делу. Уже с начала XVIII в. староверами развивалась идея богоданности богатства. Так, один из проповедников раннего старообрядчества ученик протопопа Варлаама, состоятельный человек И. Деметьев, разнося по Новгородской земле «нелестное слово» истинного благочестия, в частности, разъяснял, что богатство его и других приверженцев старой веры – «от благочестия» [41. С. 238]. Вязниковские купцы – беспопощы в начале XVIII в. считали, что «соблюдение религиозных норм своего согласия служит залогом богатства» [42. С. 20]. Праведно нажитая и правильно распределяемая собственность уже не осознавалась греховной, ее подателем считался Господь, что освобождало инициативу предпринимателя. В XVIII–XIX вв. в старообрядческой среде было распространено «Сказание о двенадцати пятницах», в котором среди прочего рассказывалось, что «пред сошествием Св. Духа, кто сию пятницу постится, и тот человек от великие скудости избавлен будет: подастся ему благодатию Духа Св. и всякое изобилие и богатство» [43. С. 243]. На ветковских иконах Николы угодника встречаются клейма не только о спасении от бед, но и об обретении богатства [44. С. 102].

Особенным в староверии было и отношение к предпринимательскому занятию. Торговля и предпринимательство вообще приняли в старообрядчестве благословенный характер, а главным помощником в «деле» осознавался сам Господь. Уже на Выгу было признано, что умножавшееся «всяко изобильство», в том числе «от торгов», является «вышнего Бога промыслом». Посредническая торговля – «купецкое дело», не имевшая в традиционном христианстве необходимого религиозного статуса, была признана духовным руководством общежительства «благодатным» занятием. По словам выговских руководителей, «торг и «торжники» могут быть «добрыми» [45. С. 91, 189–190].

Торговля возымела такое значение для старообрядческих общин, что в их уставных документах, в частности в Правилах собора федосеевцев октября 1751 г., запрет на торговлю в праздники был ослаблен оговоркой «аще ли великая нужда позовет». В этом случае полагалась очень небольшая епитимья – 100 земных поклонов (за нарушения, не связанные с поддержанием жизни общины, – «песни бесовские», карты и «брань матерна» – накладывалось наказание в 500 поклонов) [46. С. 41]. Для характеристики отношения к предпринимательству показательным и то, что до

начала XX в. все члены попечительских советов общин городов, посадов и сел избирались из купечества. В результате, по мнению, сложившемуся у самого Николая I после просмотра полицейских отчетов, во главе старообрядцев «стоят их богачи, которые командуют ими...» [47. С. 331].

В результате старообрядцы различных соглашений развивали в том числе хозяйственную книжность – письменную культуру конфессиональной экономики.

В архивах содержится множество источников разнообразных типов. Они содержат обильную информацию о различных аспектах деловой культуры староверия.

Еще с выговских времен общинно-артельного предпринимательства в староверии развивались строгий учет и контроль, достигшие значительно более высокого уровня, чем у паствы синодальной церкви. Так, киновиарх Выговского общежительства Мануил Петров в 40-е гг. XVIII в., развивая уже имевшуюся традицию [см. 48], в специальном поучении к своим представителям, добывавшим торговлей «в миру» средства для общины (еще один вид памятника хозяйственной книжности), формулировал обязательные нормы организации «общежительного» предпринимательства. Он требовал, в частности:

– вести точный учет начальной закупочной и конечной цены, всех трат («иметь повседневная записка расходом»); друг другу «сдавать все с запискою точною и во оставленном товаре взять с него росписка», «а просто отнюдь не отдавать»; даже при маленьких сделках «от купивших тот товар взять его точная покупке записка обстоятельная, чтобы тому самому мощно счет явственной показать»;

– вести учет не только денег, но и остатков товаров: «Собныя записки делать, на которой пристани на квартирах и во анбарах что чего осталось, как судов, так и всякаго каталажу и мелочнаго припасу до последней вещи. И такия записки отдавать старейшему, чтобы он о всем, где что имеется, сведом был, и в счетах такожде надлежащее прописывать» [49. Л. 32]

Особенно важным был денежный учет, в том числе привлеченных кредитов. В случае неполной или неточной отчетности, увещевал торговых представителей общежительства киновиарх, кредиторы «в сумнение впадают, аки бы от нашего изволения тако у вас чинится» [49. См. также: 50 и др.].

В корпоративном предпринимательстве отчетность усилилась и усложнилась [51. С. 76]. Так, федосеевские иногородние общины, получавшие дотации из Москвы, должны были давать предста-

вителю Преображенского кладбища, доставившему деньги, квитанции, которые по возвращении вручались им наставнику [35. С. 116].

В беспоповских и поповских общинах соблюдалась строгая бухгалтерская отчетность, для чего создавались «Книги записей по продажам товара», «Щёта барыша и убытка» (помесячные), «Счета кассы», «Отчеты кассы», «Счета расходов», «Долговые реэстры» (в некоторых случаях непонятное слово изменяли – неоднократно встречается не «реэстр», а «ерестр» [см., например: 52. Д. 82. Ч. 1. Л. 30 и др.]) и др. [см.: 52. Д. 81, 82, 84, 85; 29. Д. 484, 485, 486, 487, 488 489 и др.]. В тех случаях, когда это были не сшитые страницы, книги представляли собой увесистые папки с завязками и надписью «Связка № 7» и т.п. Считали и записывали все: размер пожертвований, количество и стоимость продуктов для богаделен, выданные кому бы то ни было деньги. Например, в счете 1845 г., поданном одному из Стародубских старообрядческих обществ «приходо-расходчиком общественных сумм на издержки, сделанные им, с согласия общественников, при водворении у них беглого священника», упоминается все – выплаченное привезшему священника извозчику «за труды его и употребленные расходы в дороге, по содержанию себя и священника... Да за священника долги, в его месте» и прочее, всего 854 руб. [7. С. 454–455]. В архивах общин хранились «Щета за свечи и за масло», «наличных денех», «за провоз пассажиров (представителей иногородних общин. – В.К.) до Москвы», «реэстры проджуктов» для общины. Все кредиты, часто беспроцентные, которые выдавались из общинной казны, оформлялись расписками и специальными «Долговыми реэстрами» со многими десятками фамилий и графами для учета возвращения кредита частями [см., например: 52. Д. 81. Ч. 1. Л. 11, 26, 30, 37–37об., 38–38об., 39, 41, 41об 45, 50, 57 и далее; 28. Д. 502. Л. 10об.].

Эти уникальные источники содержат бесценную информацию по истории хозяйственной культуры старой веры. В «связках» С. Кузьмина, Ф.А. Гучкова, его сыновей, других старообрядческих предпринимателей отражена внутренняя структура предпринимательской деятельности, ее особенности. Подробно описано, какая часть прибыли использовалась для развития основных производственных фондов, куда расходовались полученные «прибытки», с какими партнерами и в каких формах сотрудничали предприниматели и пр.

Книги счетов при этом предельно откровенны, однако их нельзя отнести к некоей тайной или «черной» бухгалтерии. Так как специальных госу-

дарственных контролирующих органов не существовало, иной, параллельной или «официальной» бухгалтерии не велось. Скорее, она имела характер, близкий современному «управленческому учету», адекватно отражающему фактическое положение дел и позволяющему анализировать и принимать обоснованные управленческие решения.

Однако эти источники имеют гораздо большее значение. В них описаны все стороны жизни общины и ее членов, в том числе скрытые от гонителей старой веры формы собственности в старообрядческой общине того времени.

По счетам и «кассам», воспроизводящим расходы предприятий и лично предпринимателей старообрядцев, видно, что «частные» предприниматели непосредственно оплачивали расходы общины. Так, в реестре «о взносе поземельных денег с домов Московской фабрики т-ва господ Гучковых» за 1850 г. числятся шестнадцать домов (к этому времени только один из них был записан на имя Ф.А. Гучкова лично) и значительные земельные участки: «земля против кладбища», «земля что за Петром и Павлом», три участка в Семеновском, один – на Введенской горе, на берегу р. Яузы и еще пять в других местах. Вся эта недвижимость была приобретена на средства общины и фактически принадлежала ей, но за эти дома и земли взносы выплачивались из доходов фабрики [28. д. 502. Л. 2]. Другой реестр фабрики свидетельствует, что, по крайней мере до начала 1850-х гг., Гучковы платили также из фабричных средств «взнос поземельных денег за Кладбище» [28. Д. 502. Л. 2об.]. Через кассу фабрики частично оплачивалось питание жителей богаделен и федосеевских домов за стенами кладбища. В то время, когда на фабрике Гучковых было занято около 900 рабочих, через артельную кухню и «содержанием» (на май 1852 г.) кормилось 1 969 взрослых (по 2,45 руб. в мес. на человека) и 447 «мальчиков» (по 1,42 руб. в мес.) [28. Д. 487. Л. 72].

Очевидно, что нельзя в данном случае говорить о безусловной частной собственности членов общины. Скорее речь шла об общинной собственности, которой управляли назначенные общиной ответственные старообрядцы. Предприниматели староверы «возвращали» огромные суммы и из своих «личных» доходов. Так, за один год (апрель 1847 – март 1848 г.) Е.Ф. Гучков с личного счета израсходовал 33,3 тыс. руб., из которых, по неполным данным, 4 927 руб. пошли по «Счету благоговения» [28. Д. 502. Л. 10об.]. На полученные средства покупались дома, записывавшиеся на чье-нибудь имя, где устраивались городские

староверческие скиты, жили певчие и пр. В результате передачи прибылей в общину хороший певец-псаломщик на Рогожском кладбище получал огромное жалованье – до 1 000 руб. в год [40. С. 123].

Другой важнейшей стороной жизни староверия, отображенной в бухгалтерских документах старообрядцев, являлась защита староверов от преследований властей. Здесь системообразующую роль сыграла российская коррупция. Без использования коррупции старообрядчество не смогло бы достичь ни стабилизации сообщества, ни такого размаха и влияния, каким оно пользовалось даже в эпоху репрессий в царствование Николая I. По мнению профессиональных «борцов с расколом», в частности Н.И. Субботина, даже в годы наиболее интенсивных преследований со старообрядчеством не удалось покончить из-за того, в частности, что «продажное чиновничество в значительной степени парализовало силу распоряжений» правительства, направленных против староверия [54. С. 25]. Как показали, в частности, выявленные материалы бухгалтерии Гучковых [28. Д. 487. Л. 26, 131–140об., 141–141об.; Д. 488. Л. 9–10; Д. Д. 497. Л. 69–96об.; и др.], на «прокормлении» староверов находилось множество полицмейстеров, квартальных, приставов и пр.

«Книги записей по продажам товара... шерстяных изделий фабрики» второй половины 1830-х – начала 1850-х гг. пестрят записями «подарено» без указания фамилии, хотя в остальных случаях записано сколько кому было продано. Причем «подарки» оказывались относительно крупными и дорогостоящими – 80, 129, 130 и до 320 руб. (в данном случае около тридцати дорогих платков Гучковской фабрики). «Дарились» и еще более дорогие платки стоимостью двадцать три руб. за штуку. В этих случаях приводились записи: «денги Ефима Федоровича [Гучкова] или «Денги получены с Г[учкова]», хотя неизвестно, выплачивались ли эти деньги в действительности [28. Д. 484. Л. 1–72; Д. 486. Л. 1–128; и др.]. Очевидно, что единовременные закупки Гучковым большого количества относительно дешевых платков и тканей могли предназначаться лишь для «убогих» из преобразенских богаделен, но частые штучные «подарки» самых дорогих изделий скорее использовались для подарков чиновничеству.

Еще более ясной становится система подношений при анализе помесячных счетов фабрики Гучковых. Ведомости сохранили информацию о многочисленных тратах на взятки. Характер упоминаний «угощений» показывает, что речь шла не о так называемой «обыденной деловой корруп-

ции», обращенной на облегчение предпринимательской деятельности, а о «коррупции гражданской», также представлявшей собой систему, но не ориентированную непосредственно на предпринимательство, а обеспечивавшую функционирование общины. Например, в счете за апрель 1853 г. приводились расходы «кассы Е.Ф. Гучкова»:

- «В Канцелярию обер-полицмейстера» (в каждом месячном счете 5–10 руб.),
- «Надзирателю за прописку»,
- «За Угощение служащих в Думе и Сиротского Суда»,
- «Писарям 3-го квартала»,
- «Части подарено»,
- «Надзирателям в Думе»,
- «На масляницу роздано разным». [28. Д. 487. Л. 141–142об.].

Иногда выплаты проводились по личной «Кассе Е.Ф. Гучкова», часто – из «Кассы адресных билетов» – например, в документах за 1851 г.: «следственному приставу Федотову – 10 [руб.], писарям его, унтерам, солдатам и проч. на праздники – 1,5»; «в Лефортовской части писарям – 1,5»; «в окружном, в 1–м квартале – 2» и т.д.; за 1852 г.: на похороны чиновнику сиротского суда, столоничальнику и т.д.; «на угощение чиновникам»; «в губернской канцелярии угощение»; «в канцелярии губернатора»; «за угощение управских»; «в Адресной Конторе подар[ено]»; «в Управе дано»; «в Управе для такого-то»; «за угощение управских»; «в канцелярии управских»; «в Управу» и т.д.

Во многих счетах Гучковых указывалось, за что получали мзду чиновники: «за исповедь конторских мальчиков – 2 [руб.]» (т.е. за записи в книгах официальной церкви о том, что юные тайные староверы якобы были на исповеди), «22 Пачпорта для воспитанников 38 [руб.]» (необходимо было легализовать и вывезти из Москвы незаконно проживавших на Преображенке «воспитанников»), «в Сиротском суде подар[ено]», «Сиротского суда столоничальнику» (также для легализации незаконно проживавших в общине детей), «Канцелярии Команд[иру] и Обер-полицмейстеру за бессрочно отпущенных солд[ат] – 10 [руб.]» (для легализации беглых солдат или любых других людей, перешедших в старую веру); «в Надворном суде подар[ено]» и т.д. [28. Д. 487. Л. 26, 131–140об., 141–141об.; Д. 488. Л. 9–10; Д. 497. Л. 69–96об.; и др.].

В результате этого, как иронизировал полицейский агент, «влияние полиции на беспоповщинские секты в Москве... заключается... в их охранении» [55. С. 18, 37, 177]. В провинции подкуп был еще проще, в уездах и волостях России,

доносила агентура полиции, священники синодальной церкви от староверов «бóльшие имеют выгоды, чем от церковных прихожан» [35. С. 69].

Много говорят источники и о личной жизни старообрядцев. В счетах личных или «домашних» расходов И. и Е. Гучковых 1840-х гг. указаны затраты, например, на приобретение табака, папирос, сигар, вина, театральных билетов, импортной одежды, «за ученье детей музыке и рисованию» и пр. [28. Д. 502. Л. 10–15, 19–24об., 28об., 32, 43, 53–54, 60, 75 и далее]. Братья Гучковы, впрочем, не скрывали эти грехи и периодически подвергались епитимье за употребление «кофию», «иродиадины пляски» на балах и пр. [36. Т. 14. С. 48–49].

По финансовым документам можно уточнить даже такие тонкие вопросы, как действительное вероисповедание крупных старообрядческих хозяев. Многие предприниматели-старообрядцы, под нажимом властей формально перешедшие в единоверие, продолжали выплачивать деньги общине. Так, Е.Ф. Гучков оставался одним из попечителей Преображенской общины и выделял ей средства и после того, как в 1847 г., по некоторым данным, тайно перешел в поморскую общину Древнего согласия [56. С. 217–218]. Он не только сохранял на фабрике федосеевские моленные, оплачивал счета больницы, «на монастырь» и т.п., но и финансировал такие нужды Преображенской общины, как взятки священникам синодальной церкви и пр. [28. Д. 486. Л. 35–36; Д. 487. Л. 131, 131об., 141 и др.]. Важно, что выплаты на эти нужды во многих случаях указаны как расходы не на личных счетах Гучкова, но на счете фабрики, еще остававшейся, очевидно, в собственности общины. Формально перейдя в 1853 г. в единоверие, Гучковы продолжали ту же практику. В бухгалтерских книгах Е.Ф. Гучкова за 1854–1855 гг. указаны расходы на содержание как Введенской единоверческой церкви, старостой которой был избран Ефим Федорович, так и федосеевской Покровской моленной Преображенского кладбища Покровской церкви (она упоминается еще в расходных книгах 1852–1853 гг. [25. Д. 487. Л. 131об.]) [28. Д. 488. Л. 100]. Таким образом, можно предположить, что братья Гучковы и после 1853 г. в действительности оставались в лоне старой веры³.

³ Это подтверждается и тем, что в конце 1854 г. священник Введенской церкви отец Симеон жаловался, что лица, перешедшие вместе с Е.Ф. Гучковым в единоверие, не произвели «установленного совершения обряда присоединения к Церкви» и через посредников просил «в установление желаемого порядка... довершить» дело и обеспечить «скорейшее совершение обряда присоединения» [25. Д. 503. Л. 73]. Очевидец похорон «одного из Гучковых» (неясно – Ефима или Ивана Федоровичей) рассказывал, что,

Таким образом, хозяйственные документы старообрядческих общин и их представителей формируют особую экономическую область конфессиональной книжности староверия, где слились хозяйственный рационализм и скрупулезнейший учет с представлением о благословенном богатстве и душеспасительности прибыльной деятельности на благо веры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Словарь русского языка* / Институт русского языка АН СССР: в 4 т. М.: Русский язык, 1982. Т. 2. 736 с.
2. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Цитадель, 1998. Т. 2. 1024 стб.
3. *Булакин Н.* Предисловие // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Л.: Наука, 1987. Вып. 1. С. 3–14.
4. *Усачёв А.С.* Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария / Отв. ред. А.А. Горский. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2009. 760 с.
5. *Бударагин В.П.* М.В. Ломоносов и рукописная книжность Русского Севера // М.В. Ломоносов и его время. С. 113–117 / Проект «Подготовка информационных материалов по научному наследию и истории Российской академии наук для размещения на портале РАН» / под. рук. В.Ю. Афиани. – URL: <http://www.ras.ru/lomonosov/f2f4c2df-c36e-45e8-93ed-4f39018d1840.aspx?hidetoc=0>
6. *Поздеева И.В.* Теория и практика подготовки археографов XXI века // *Язык, книга и традиционная культура позднего русского Средневековья в жизни своего времени, в науке, музейной и библиотечной работе XXI в.* М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, «Коллектор», 2011. С. 55–76.
7. *Верещагин Е.М.* Церковнославянская книжность на Руси. Лингвотекстологические разыскания. М.: Индрик, 2001. 608 с.
8. *Петрухин В.Я., Белова О.В.* Фольклор и книжность: миф и исторические реалии. М.: Наука, 2008. 282 с.
9. *Соколов А.В.* Общая теория социальной коммуникации: Учеб. пособие. СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2002. 461 с.
10. *Пригарин А.А.* Истоки книжной культуры у старообрядцев на Дунае в свете архивных и полевых материалов // *Язык, книга и традиционная культура позднего русского Средневековья в жизни своего времени, в науке, музейной и библиотечной работе XXI в.* М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, «Коллектор», 2011. С. 459–474.
11. *Арифметика* (пятая мудрость из семи великих мудростей, глаголемая по-еллински и по-гречески арифметик, а по-немецки алгоритма, а по-русски цыфирная счетная мудрость // НИОР РГБ. Ф. 247. Д. 23. 279 л.
12. *Нахождение* поганых татар // НИОР РГБ. Ф. 247. Д. 448. Л. 86.
13. *О лекарствах* чистых и нечистых // НИОР РГБ. Ф. 247. Д. 644. Л. 60–80об.
14. *О турках*, откуда произыдоша и о проклятом лжеучителе их Магомете // НИОР РГБ. Ф. 247. Д. 384. Л. 1–8.
15. *Сказание* о нашествии богомерзкого царя Магмед Гирея // НИОР РГБ. Ф. 247. Д. 82. Л. 278об.–279.
16. *Повесть* об избавлении от нашествия Менглы-Гирея // НИОР РГБ. Ф. 247. Д. 82. Л. 286–291.
17. *Прибавка* или прилог полезный из Гранографа древнего // НИОР РГБ. Ф. 247. Д. 600. Л. 126–127.
18. *Сказание* о нашествии Темир-Аксака // Д. 82. Л. 276об.–277
19. *Книга*, глаголемая Проблемата, о прирождении и о составлении удов человеческих и зверей многих // НИОР РГБ. Ф. 247. Д. 515. 83 л.
20. *В пословицах* забавных говорится о татарах того ради плешивы, что имеют по две жены и болши, понеже старая жена щипаит волосы черные, а молодая седые, так и плешивеют // НИОР РГБ. Ф. 247. Д. 26. 174 л.
21. *О таорьях* безбожного Махмета // НИОР РГБ. Ф. 247. Д. 644. Л. 90–90об.
22. *О латынях* отлучишася от грек св. божия церкви // НИОР РГБ. Ф. 247. Д. 239. Л. 308–310.
23. *Латыне* как изобретоша себе ересь // НИОР РГБ. Ф. 247. Д. 448. Л. 300.
24. *О денгах* в куче ведать // НИОР РГБ. Ф. 247. Д. 23. Л. 227об.–228об.
25. *Сия есть* книга о земном верстании // НИОР РГБ. Ф. 247. Д. 23. Л. 251–264об.
26. *Статия* о богешных мерах // НИОР РГБ. Ф. 247. Д. 23. Л. 244–253об.
27. *Керов В.В.* «Се человек и дело его...»: Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России. М.: ЭКОН-ИНФОРМ, 2004. 654 с.
28. *Отдел* письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 122: Боткины и Гучковы. Оп. 1.
29. *План* или изъяснительное начертание местного положения и внутреннего распорядка Преображенского богаделенного дома (1808 г.) // *Материалы для истории беспоповщинских согласий в Москве, федосеевцев Преображенского кладбища и Поморской монинского собрания* / Сост. Н.[И.]. Попов. М.: Изд-е ЧОИДР при Московском университете, 1870. С. 59–67.
30. *Керов В.В.* «Время купли наступает...»: Медиативные функции коррупции в отношениях старообрядчества и власти в России XVIII – первой половины XIX вв. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «История России»*. 2004. № 3. С. 7–17.
31. *Нечто* вроде апологии Федосеевской против Филиппонов, обвиняющих Федосеев в страсти к торговле и деньгам, против тех из Бегунов, которые отвергают деньги как печать Антихриста, и против гонителей древней церкви // *Сборник правительственных сведений о раскольниках* / Сост. В. Кельсиев. Лондон: Trübner & Co. Вып. 4. С. 232–235.
32. *Сто статей* московских поморского согласия (книга для наставников) // *Сборник правительственных сведений о раскольниках. Сборник правительственных сведений о раскольниках* / Сост. В. Кельсиев. Лондон: Trübner & Co. Вып. 4. С. 199–21.
33. *Барсуков В.Л.* Петр III и предпринимательство в России // *Сибирь в XVI–XX веках. Экономика, общественно-политическая жизнь и культура*. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. С. 76–85.
34. *Старцев А.В.* Хозяйственная этика старообрядчества. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2002. Вып. 1. С. 73–87.
35. *Дневные* дозорные записи о московских раскольниках. Сообщено А.А. Титовым. М.: Изд-е ЧОИДР при Московском университете, 1885. 192 с.
36. *Мельников П.И.* Очерки поповщины // *Мельников П.И. Полн. собр. соч.* СПб.; М.: Т-во Вольф, 1898. Т. 13. 395 с.; Т. 14. С. 1–102.

хотя тот «считался православным» (по синодальной церкви. – В.К.), «когда духовенство пришло отдать ему последний долг, весь дом был наполнен и гроб окружен федосеевским клиром: успели перед смертью "переправить" и с торжеством похоронили его по-федосеевски под носом у духовенства» [58. С. 542]. Это было невозможно без согласия родственников, изъявления последней воли самим Гучковым и свидетельствовало о его реальном вероисповедании.

37. *Синицын И.И.* Отчет «О расколе в Ярославской губернии». Сборник правительственных сведений о раскольниках / Сост. В. Кельсиев. Лондон: Trübner & Co. Вып. 4. С. 55–183.
38. *Торговое* и промышленное дело Рябушинских. М.: Тип. П.П. Рябушинского, 1913. 154 с.
39. *Щукин П.И.* Воспоминания. М.: Синод. тип., 1912. Ч. III. 59 с.; Ч. IV. 47 с.; Ч. V. 49 с.
40. *Стадников А.В.* Московское старообрядчество и государственная конфессиональная политика XIX – начала XX в. М.: Изд-во объедин. «Мосгорархив», 2002. 256 с.
41. *Щапов А.П.* Русский раскол старообрядчества, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и в первой половине XIX. Опыт исторического исследования о причинах происхождения и распространения русского раскола. Казань: Изд. Ивана Дубровина, 1859. 547 с.
42. *Соколова Е.Н., Тельчаров А.Д.* «В расколе подобна Керженцу» (Вязниковская слобода. Из истории Ярополческой дворцовой волости Владимирского уезда) // Старообрядчество: история, культура, современность. М.: Музей истории и культуры старообрядчества, 1999. Вып. 7. С. 17–22.
43. *Руководство* для обучения юношества в делах веры // Сборник для истории старообрядчества / Сост. Н.[И.] Попов. М.: Синод. тип., 1866. Т. 2. С. 197–239.
44. *Нечаева Г.Г.* Ветковская икона. Минск: Четыре четверти, 2002. 272 с.
45. *Филиппов И.* История Выговской старообрядческой пустыни. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1863. XIV, 480, V с.
46. *Правила собора федосеевцев* (1 октября 1751 г.) // Иоаннов А., прот. Полное историческое извещение о древних стригильниках и новых раскольниках, собранное из потаенных со преданий, записок и писем... СПб.: Изд-во В.А. Терскова, 1855. Ч. II. С. 39–52.
47. *Верховский Т.А.* Записки о его жизни, составленные им самим. СПб.: Тип. Дух. Журнала «Странник», 1877. Ч. I. 1096 с.
48. *[Денисов А.]* Послание поучение Никите Филимонову «с прочими» трудниками, посланными по торговым делам // НИОР РГБ. Собр. Егорова. Д. 425. Л. 170–171.
49. *Поучение* к братии, обретающейся в делах торгового промысла [1744–1745] // РНБ. Собр. Вяземского. Q 2. Л. 34об.–37.
50. *Должность* правителя конторы // РНБ. Собр. Вяземского. Q 2. Л. 38–39.
51. *Рустик О.* Старообрядческое Преображенское кладбище (как накопились капиталы в Москве) // Борьба классов. 1934. № 7–8. С. 70–79.
52. *Центральный* исторический архив г. Москвы (ЦИАМ). Ф. 157: Преображенский богаделенный дом. Оп. 1.
53. *Мордкович Т.А.* Источники по истории принятия Белокриницкой иерархии московской Рогожской старообрядческой общиной в 40–50 гг. XIX в.) // Мир старообрядчества. М.: Российское университетское издательство, 1995. Вып. 2. С. 105–132.
54. *Н. С[убботин]* О сущности и значении раскола в России. СПб.: Синод. тип., 1892. 47 с.
55. *Любопытный П.* Исторические очерки беглопоповщины на Иргизе с 1762–1866 года // Сборник из истории старообрядчества / Сост. Н. Попов. М.: Синод. тип., 1866. Т. 2. Вып. IV: Старообрядческие монастыри. 272 с.
56. *Рындзюнский П.Г.* Старообрядческая организация в условиях развития промышленного капитализма (на примере истории московской общины федосеевцев в 40-х годах XIX в. // Вопросы истории религии и атеизма. М.: АН СССР, 1950. С. 188–248.
57. *[Спафарий Н.]* Собрание вкратце о девяти мусикиях и семи свободных художествах // НИОР РГБ. Ф. 247. Д. 26. Л. 132об.–166.
58. *Гиляров-Платонов Н.П.* Федосеевцы // Гиляров-Платонов Н.П. Вопросы веры и церкви. М.: Синод. тип., 1906. Т. 2. С. 532–546.